Привилегированное положеніе людей, которые посвящаютъ себя научной и художественной дѣятельности—вотъ главная причина этихъ золъ. Ученые и художники, по мнѣнію Толстого, имѣютъ монополію и заняты, будто бы, только тѣмъ, что спасаютъ отъ скуки небольшой кружокъ дармоѣдовъ.—Право, въ этой характеристикѣ несообразностей почти столько же, сколько словъ. Развѣ Пастёръ и его многочисленные ученики, работая долгіе годы надъ отысканіемъ противодифтеритной сыворотки, забавляли своей работой тунеядцевъ, а не служили тѣмъ несчастнымъ, которыхъ постигъ дифтеритъ? Развѣ Кохъ и его школа, посвятивъ много лѣтъ опытамъ надъ средствами, способными излечивать бугорчатку, занимаются ненужными забавами, а не стремятся послужить человѣчеству одолѣніемъ болѣзней, отъ которыхъ происходитъ теперь чуть не пятая часть смертныхъ случаевъ? Тѣ же вопросы могутъ быть съ полнымъ основаніемъ выдвинуты относительно множества тружениковъ науки и искусства, разъ они даютъ людямъ что-нибудь полезное новыми, крупными изслѣдованіями и твореніями, или, хотя бы, разработкою частностей, которая не была выполнена самыми сильными умами въ наукѣ и наиболѣе великими художниками. При этихъ нападкахъ Толстому не слѣдовало бы забывать, что люди праздные, ищущіе только развлеченія, забавы, бѣгутъ, какъ отъ чумы, отъ научныхъ изслѣдованій, которыя имѣютъ своимъ предметомъ дѣйствительно важныя задачи въ области гигіены, медицины, строительнаго искусства, народнаго хозяйства, права. Люди праздные, безмѣрно любящіе забавы. бѣгутъ даже отъ произведеній искусства, если наслажденіе ими, въ виду ихъ сложности, требуетъ не мало времени и напряженнаго вниманія; въ живописи, музыкѣ, словесности они предпочитаютъ лучшему произведенія второго, третьяго, десятаго разбора, лишь бы предметъ искусства быстро дѣйствовалъ на нервы и не требовалъ никакихъ усилій.

Нельзя согласиться съ Толстымъ, что, для созданія истинныхъ предметовъ искусства, человѣкъ долженъ подняться на высшій уровень міросозерцанія своего времени: художникъ, написавшій превосходный пейзажъ или бытовую сцену, можетъ, по міровоззрѣнію, стоять очень невысоко, и, всетаки, плодъ его труда будетъ истиннымъ произведеніемъ искусства.

Толстой не доказалъ, что научная и художественная дѣятельность можетъ быть плодотворна лишь тогда, когда человѣкъ, посвятившій ей себя, знаетъ однѣ обязанности. Возьмемъ произве-